

Служить балету верой и правдой

Имя **Николая Цискаридзе** вписано в историю балета блистательными партиями на сцене Большого театра. Завершив карьеру танцовщика, он не порвал с искусством и на посту ректора прославленной Академии русского балета им. А. Я. Вагановой отвечает за подготовку будущих артистов.

Беседовал РОМАН А. ЗАХАРОВ

? Как вы пережили бурю, которая разразилась, когда вы стали во главе академии? Тогда многие говорили, что представитель московской балетной школы разрушит основы петербургской.

Николай Цискаридзе: Это же говорили люди, которые очень хотели сохранить за собой теплые места. Ни один серьезный профессионал не говорил такого! Напротив, с первой секунды такие выдающиеся ученицы Вагановой, как Ольга Моисеева и Ирина Колпакова, педагоги с большим стажем, поддержали меня. А прима-балерина и педагог Марининского театра Татьяна Терехова мне позвонила и сказала: «Коля, кто бы что ни говорил, я полностью на твоей стороне, я уверена, что ты со своим опытом никогда в жизни не нанесешь вреда нашей Школе». И в разговорах с коллегами она тоже всегда вступалась за меня, вспоминая педагогов, представляющих ленинградскую школу, которые меня учили.

? Ваше имя уже вписано в историю балета, но понимали ли вы, приходя в Вагановское училище, что это очень надолго, что это фактически и будет вашим наследием?

Н. Ц.: Я прекрасно понимал, что моя задача здесь – сделать все ради славы балета в будущем. Но на сколько я пришел, никогда не думал. В нынешней ситуации, когда существует очень четкое юридическое поле, все может поменяться по одному требованию работодателя... Я слишком хорошо интегрирован в реальную жизнь, у меня нет иллюзий и розовых очков. Я очень рано остался один, без поддержки родителей и родственников. Я строил свою жизнь сам, без протекции.

И все же, как мне кажется, я смог уже сделать главное в своей жизни – стал лицом Большого театра. И никому не собираюсь ничего доказывать. Для меня это достижение стало подарком судьбы. Многие пытаются достичь подобного, но мало кому удается. А мне удалось это еще в 20 лет.

? Насколько тяжело вам было из танцовщика перейти в разряд педагогов, воспитывающих будущее российского балета?

Н. Ц.: После танцев мне все легко. И поскольку я уже преподавал, имел учеников из числа артистов балета Большого, то никакого резкого пере-

хода в новый статус не было. Ничего сверхъестественного. Конечно, одно дело, когда у тебя всего три молодых артиста, а теперь у меня их более шестистот. Разница есть.

? Как вы считаете, в каком случае у педагога больше ответственность – при работе с составившимися, пусть и молодыми, артистами, или с учащимися?

«В УЧИЛИЩЕ ПЕДАГОГИ ОПЕКАЮТ УЧАЩИХСЯ, А КОГДА АРТИСТ ПОСТУПАЕТ В ТЕАТР – ЭТОМУ ПРИХОДИТ КОНЕЦ. ТАМ КАЖДЫЙ САМ ЗА СЕБЯ».

Н. Ц.: Ответственность велика в обоих случаях! Понимаете, когда у ученика что-то получается, все говорят, что это он такой способный. Когда же у ученика что-то не выходит, все кричат – педагог плохой. Это всегда так происходит. Достаточно вспомнить, как в детстве я услышал впервые имя Вагановой от концертмейстера, который сказал знаменательную фразу: «Конечно, Ваганова великий педагог – какие ученицы ей доставались!» Мне было десять лет, но это я четко запомнил. Агриппину Яковлевну мно-

Николай Цискаридзе

Народный артист России, ректор Академии русского балета им. А. Я. Вагановой

Родился 31 декабря 1973 года, в Тбилиси. В 1984 году поступил в Тбилисское хореографическое училище, а с 1987 года продолжил обучение в Московском академическом хореографическом училище, которое окончил по классу профессора Петра Пестова.

С 26 августа 1992 года был принят в труппу Большого театра. С 1995 года – премьер Большого театра. Свои партии в Большом театре готовил Г. С. Улановой и М. Т. Семеновых, Н. Р. Симачевых и Н.Б. Фадеевичей. Его творчество было неоднократно отмечено профессиональными и государственными наградами в России и за рубежом. В 1996 году окончил Московский государственный хореографический институт по специальности «Педагог-репетитор». С 2005 года работает педагогом-репетитором Большого театра, а также вел классы усовершенствования.

В 2014 году получил степень магистра кристициологии, окончил Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 28 октября 2013 года назначен исполняющим обязанности ректора Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой в Санкт-Петербурге. 29 октября 2014 года избран ректором.

гие коллеги обвиняли в том, что она считается хорошим педагогом только потому, что она является руководителем училища и всегда отбирает себе лучших учениц. Так говорят те, кто ничего не понимает в педагогике.

Единственное, в чем с детьми сложнее, чем со взрослыми учениками, – это преодоление сложностей переходного возраста. Я по себе помню: появляются комплексы по поводу внешности, гормоны бьют...

Зато дети хотят танцевать! Поэтому непросто объяснить ребенку, когда его данные не позволяют продолжить обучение, рассчитывать на профессиональную карьеру, что следует закончить. Это очень сложно. Впрочем, сказать это взрослому артисту не менее сложно.

Я знаю, что вы не любите слово «звезда», но как объяснить в юном ученике «звездочку»?

Н. Ц.: А это сразу видно – привыкает к себе человек взгляд или нет. Когда я учился, педагог, пришедший к нам в класс, сказал: «Я сегодня пришел в балетный класс с одной целью – не смотреть на Цискаридзе. Я ушел из класса, опять не увидев никого, кроме Цискаридзе». Хотя в переходном возрасте я был несладким мальчиком – все выросло слишком быстро, я был угловатый. Но было что-то, что притягивало взгляды.

ГЛАВНОЕ – САМОДИСЦИПЛИНА

Часто ли вы используете угрозу отчисления в качестве педагогического приема, чтобы подтолкнуть ученика к лучшим результатам?

Н. Ц.: Они все знают, что я могу отчислить, не моргнув глазом. Понимаете, я очень терпеливый человек. Очень! Но я не знаю, где у меня поворачивается такое рычание, когда я перестаю уговаривать. Будто занавес опускается – и все.

У меня был в этом году один учениц, которого я защищал перед другими педагогами. Каж-

дый раз, когда он в очередной раз прогуливал занятия или балбесничал, я ему говорил: «Ты же должен сообразать, что не надо так себя вести!» Уговаривал-уговаривал, но в какой-то момент сказал при всех: «Я предупреждаю – это последний раз. Один прогул – и все». Такой момент настал, я написал все бумаги – и больше его не видел. Он попытался со мной переговорить, но я отказалась, поскольку терпеть два с половиной года, предупреждала перед всеми...

Строгая дисциплина во время обучения – это естественно, но балетный мир сам по себе жесток.

Н. Ц.: Не жесток, просто он требует самодисциплины. В училище педагоги опекают учащихся, а когда артист поступает в театр – этому приходит конец. Там каждый сам за себя. Вызван на репетицию – будь добр выучить. Не успел – вызовут следующего. А в серьезных театрах, таких, как Мариинский и Большой, стоит очередь на роль.

Мой педагог Петр Антонович Пестов приучил нас к дисциплине, и я, когда пришел в Большой, мог с первого раза угадать, что еще у него учился. Все они – даже народные и заслуженные артисты – приходили заниматься в балетный класс как ученики – в белых носках и белых туфлях. И никак иначе. Была выработана самодисциплина.

ОПЛОТ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Итак, вам нравится быть педагогом?

Н. Ц.: Я просто очень люблю свою профессию. Я ей честно служил и приглаваю всех, кто пришел его овладеть, любить наше дело. Нужно служить верой и правдой.

Не могли бы описать, какой хотите видеть Академию русского балета через 5, через 10, через 20 лет? О чем мечтаете как руководитель?

© Дмитрий Пестов / Моменты / Прохорова

Н. Ц.: Я бы хотел, чтобы она осталась местом, где царит творчество, где учат детей заниматься искусством. И, разумеется, академия должна быть самой лучшей школой балета!

Для того чтобы этого достичь, мы, например, вынуждены пересматривать программу обучения классическому танцу, потому что современный театр диктует другие условия. Удивительно, но и Ваганова в своем учебнике 1934 года указывала, как изменился труд артиста. Она писала про «быстрое время» и о том, что в театре идет 12 спектаклей в месяц, и какая это чрезмерная нагрузка, артисты еле справляются... 12 спектаклей – самое малое, что сегодня предлагает Мариинский театр. Это практически артист ничего не делает. Если взглянуть на афиши, вы увидите, что балетная труппа танцует 28-34 спектакля в месяц.

Также я не имею права не учитывать репертуар, который сегодня идет. Появились хореографы, которые требуют другой подготовки. И для того, чтобы танцевать в их постановках

квалифицированно, наши учащиеся должны быть соответствующим образом подготовлены. А это невозможно сделать, если учить без учета реалий сегодняшнего репертуара.

Чем являются спектакли академии, и какую роль они играют в образовании будущих артистов балета?

Н. Ц.: Прежде всего, выбирая спектакль для постановки, я опираюсь на тот материал, который у меня есть. Речь идет об артистах, то есть об учащихся. Это как налицо красок у художника в палитре: если у вас только зеленая краска, солнце нарисовать вы не сможете. Педагог часто совершает ошибку: они хотят показать через ученика себя и готовы на любые компромиссы. А я это очень сильно противостою.

Плюс учитывается история учебного заведения и его выдающиеся ученики, чьи юбилеи мы также стараемся отмечать. Потому что уважение к старшим и уважение к традициям тоже надо привносить с детства. Дети, пройдя обучение, могут гордиться тем, что учились на улице Зодчего Росси, и при этом они должны отчитливо понимать, почему наша академия является оплотом российской культуры. Все самое большое и заслуженное в отечественном классическом театре – в балете и в драме – началось в этом здании, ведь здесь помимо аттракционного училища находились еще и дирекция императорских театров. В этом году отмечается 125 лет со дня рождения Брониславы Нижинской, потому мы вспоминаем ее балет «Болеро». Он никогда больше не ставился в балетных школах, а в городе на Неве вообще не шел на сцену. Все знают знаменитую ученицу Бежара, где артист танцует на столе, а идея принадлежит не ему, а Нижинской!

Еще я восстанавливаю вместе с Ириной Генслер, одной из выдающихся характерных примдонья Мариинского театра, «Польский бал» из «Ивана Сусанина», который тридцать лет уже не идет на сцену. Если эту хореографию 1939-го года не спасти, она навсегда потеряется.

А я это очень сильно противостою.

Плюс учитывается история учебного заведения и его выдающиеся ученики, чьи юбилеи мы также стараемся отмечать. Потому что уважение к старшим и уважение к традициям тоже надо привносить с детства. Дети, пройдя обучение, могут гордиться тем, что учились на улице Зодчего Росси, и при этом они должны отчитливо понимать, почему наша академия является оплотом российской культуры. Все самое большое и заслуженное в отечественном классическом театре – в балете и в драме – началось в этом здании, ведь здесь помимо аттракционного училища находились еще и дирекция императорских театров. В этом году отмечается 125 лет со дня рождения Брониславы Нижинской, потому мы вспоминаем ее балет «Болеро». Он никогда больше не ставился в балетных школах, а в городе на Неве вообще не шел на сцену. Все знают знаменитую ученицу Бежара, где артист танцует на столе, а идея принадлежит не ему, а Нижинской!

Еще я восстанавливаю вместе с Ириной Генслер, одной из выдающихся характерных примдонья Мариинского театра, «Польский бал» из «Ивана Сусанина», который тридцать лет уже не идет на сцену. Если эту хореографию 1939-го года не спасти, она навсегда потеряется.